

ИЛЛЮСТРАЦИИ
КОРИАНДР

Михаил Лермонтов

ДЕМОН

МИОО

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Борис Орехов 3

ДЕМОН

Восточная повесть 21

КОРИАНДР О «ДЕМОНЕ»

..... 115

Сказочная Русь. Иллюстрированная серия

Михаил Лермонтов

ДЕМОН

ИЛЛЮСТРАЦИИ КОРИАНДР

Предисловие Бориса Орехова

Москва
МИФ
2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

В борьбе с затертостью

Самое печальное, что может произойти с признанным художественным произведением, – его накрывает «затертость». То, что мы читаем в школе, расставляется в пространстве нашего эстетического опыта мебелью, вызывает привычку повседневного, лишается свежести.

Лермонтову в этом смысле не везет так же, как и другим классикам, – его талант попадает в золотую клетку обязательки, и редкий выпускник средней школы может, открыв книгу, почувствовать от этого что-то кроме утомления.

Хуже всего перспективы у «Героя нашего времени»: настолько сильно роман укоренен в школьной программе, с ее сочинениями и ответами у доски.

Несколько оптимистичнее я смотрю на «Демона». Его «проходят» раньше, читают не так яростно и успевают забыть

к тому моменту, когда начинается особенно травматичная полоса выпускных экзаменов.

Хорошо, что «Демона» забывают, этим текстом почти не мучают школьников.

Плохо, что «Демона» забывают, ведь это очень здорово написанная поэма.

Бывают люди, знаменитые только тем, что они знамениты. А «Демон» известен потому, что его написал Лермонтов? Или Лермонтов потому для нас Лермонтов, что он написал «Демона»?

Можно попробовать разобраться честно и всерьез, не отсылая к дутым авторитетам и избегая полунамеков и ускользающих формулировок.

Последние сто лет то, что мы сейчас сделаем с поэмой Лермонтова, принято называть остранением. Это когда смотрят на привычное как на незнакомое, освежая восприятие.

Вглубь текста

Что нужно знать, отправляясь в путешествие вглубь текста?

Во-первых, то, что «Демон» – это поэма. Поэма отличается от стихотворения тем, что в ней мы видим рассказанную историю. Ее можно пересказать своими словами. Со стихотворением так не выйдет. Как пересказать «Тучи» («Тучки небесные, вечные странники!») того же Лермонтова или «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» Пушкина? Не полу-

чится. Просто будет непонятно, что там происходит. Или придется не пересказывать их, а повторять слово в слово.

Для нас привычно, что истории рассказываются прозой – в повестях и романах. А зачем рассказывать историю в стихах? Стихотворная форма состоит из неестественных условностей: слова нужно ставить в странном порядке, связывать их созвучиями, то есть говорить не как в жизни. Следовать этим условностям – это сложный навык, умение, доступное не всем, как художнику необходимо владение академическим рисунком. Такая форма обеспечивает сопротивление материала. А тому, что сделано с трудом, мы всегда и почти бессознательно придаем бóльшую, чем обычно, ценность. Статус рассказа в стихах выше, чем у рассказа в прозе: прозой любой сможет.

Пушкин в «Онегине» еще сверх того усложнил себе задачу: обязался следовать необходимости воспроизводить особый порядок рифмовки – онегинскую строфу. В «Демоне» Лермонтов обошелся без таких дополнительных усложнений, но подчеркнул в подзаголовке, что именно рассказывает историю, а не делится впечатлениями и чувствами, как бывает в стихах.

Лермонтов сомневался. В черновиках «Демона» даже есть авторская помета: «Я хотел писать эту поэму в стихах: но нет. – В прозе лучше». Но все же автор остановился на стихотворной форме.

Подзаголовок звучит как «Восточная повесть». «Повесть» – как раз потому, что история. «Восточная» – потому, что во времена Лермонтова у историй ценились экзотиче-

ские декорации, заимствованные из далеких стран. Здесь перед нами разворачивается не какой-то условный Восток, а именно Кавказ, предмет пристального внимания русских писателей: «Аммалат-бек» Бестужева-Марлинского, «Хаджи Мурат» Толстого. Если бы Лермонтов был французским или английским поэтом, его повесть разыгрывалась бы в пейзажах Персии или Египта.

Причем начинается рассказ в условном надмирном пространстве, откуда, скорее всего, видна вся земля, а Демону доступна любая точка в подлунном мире, ведь он вершит свои злые дела в любом месте, не считаясь ни с естественными, ни с административными границами. Но дальше фокус сужается, и рассказчик концентрируется на Кавказе. Зачем? Затем, чтобы было интереснее, чтобы было больше точечных деталей, без них повествование довольно быстро стало бы бестелесным и расплывающимся. Конкретика всегда придает интереса тексту. Известно, что у Фета не бывает деревьев или птиц вообще, это всегда конкретные виды:

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

Это не просто так. Фет знает поэтический секрет.

Во-вторых, нужно знать, что тексты никогда не существуют в вакууме. Они «разговаривают» друг с другом, всегда отзываются на что-то, что было высказано раньше, передают эстафету в будущее, спорят с предшественниками или продолжают их традицию, закладывают основу для дальнейшего разговора. За Лермонтовым, например, последует Маяковский, который через сто лет после автора «Демона» напишет стихотворение «Тамара и Демон»:

Чего кипятитесь,
как паровоз?
Мы
общей лирики лента.
Я знаю давно вас,
мне
много про вас
говаривал
некий Лермонтов.

Здесь Маяковский обращается к воображаемой княжне Тамаре, рассчитывая, что его читатель уже знаком с «Демоном». В этом он отзывается на стихи предшественника. Но отзывается полемически, потому что сравнивает прекрасный женский образ с паровозом. Для любителя технологий Маяковского это сравнение не обидное, но все же для поэтической традиции странное.

В год смерти Лермонтова друг Пушкина Пётр Андреевич Вяземский писал:

Двух паровозов, двух вулканов на лету
Я видел сшибку: лоб со лбом они столкнулись,
И страшно крякнули, и страшно пошатнулись –
И смертоносен был напор сил двух громад*.

Вот более привычный образ паровоза – огнедышащая громадина, вулкан, совсем не хрупкая девушка. С таким и любит спорить Маяковский.

Подобно Маяковскому, Лермонтов тоже рассчитывает на то, что читатель узнает некоторые тексты-предшественники и посмотрит на его повесть на этом фоне. Прежде всего в читательском багаже нужен «Фауст» Гёте, история про то, как к образцовому человеку по имени Фауст приходит демон, чтобы испытать его.

Из «Фауста» в «Демона» переходят элементы пьесы, когда в тексте вдруг появляются обозначения говорящего, как будто это текст, написанный для постановки в театре:

Тамара

О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..

* Вяземский П. Русские проселки.

Демон

Ты прекрасна!

Тамара

Но молви, кто ты? отвечай...

У Гёте так же:

Мефистофель

Нет, что ни говори, а плох наш белый свет!
Бедняга человек! Он жалок так в страданье,
Что мучить бедняка и я не в состоянии.

Господь

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Он доктор?

Господь

Он мой раб*.

Но это просто сигнал литературного родства. Главное в другом: в том, что и Демон существует не сам по себе, а на фоне Мефистофеля (и тем самым обретает в сознании

* Перевод Н. Холодковского.

читателя дополнительный объем), и Тамара – на фоне Фауста, и весь сюжет Лермонтова диалогизирует с сюжетом Гёте. В конце главного произведения главного немецкого поэта Фауст делает то, чего от него хочет Мефистофель, тот собирается забрать душу человека, – но являются ангелы и отбивают у него заглавного героя. Финалы «Фауста» и «Демона» рифмуются, но то, что предшествует финалу, выглядит у русского поэта совсем иначе. Мефистофель и Фауст изображены как близкие приятели, весело проводящие время вместе. А Демон для Тамары – хищный соблазнитель.

В-третьих, нужно знать, что текст «Демона» гораздо больше, чем то, что мы обычно читаем в книге (даже в этой самой книге). Мы привыкли воспринимать классический текст как застывший материал, воспроизводимый из издания в издание в неизменном виде. На деле же все тексты рождаются и растут, претерпевают по мере роста множественные изменения, трансформируются и живут. У нас не всегда есть возможность проследить, как проходит этот рост, для этого автор должен сохранить для нас свои черновики. Чаше они теряются. Но от «Демона» такие предварительные материалы остались. Лермонтов думал над поэмой долго и несколько раз предпринимал попытки свои размышления записать. Каждая такая попытка называется редакцией, то есть самостоятельной версией поэмы, и обычно мы читаем только последнюю.